

**Исторические предпосылки становления мультикультурализма
в западноевропейских государствах**

¹ Гордиенко Анастасия Викторовна, аспирант кафедры политических наук,
Черноморский государственный университет имени Петра Могилы, г. Николаев, Украина

Аннотация: Статья посвящена анализу исторических предпосылок формирования политики мультикультурализма на западноевропейском политическом пространстве. Автором рассматриваются основные тенденции, проблемы и перспективы данной политики. Основной акцент ставится на историческую обусловленность появления мультикультурализма в данном регионе.

Ключевые слова: мультикультурализм, Западная Европа, национальное государство, миграция, интеграция.

В последней четверти XX века мультикультурализм начал приобретать актуальность для европейских стран. Наиболее острой проблемой в данном регионе оказалась проблема эмиграции, приобретшая невиданную остроту и принципиально новый характер.

В ходе исторического развития в XX веке в Европе сформировались национальные государства, которые характеризовались высокой степенью монокультурности. Это, в свою очередь, было достигнуто за счет многовекового процесса интеграции различных этнических групп. Данный процесс, значительно ускорился с начала Нового времени (XVII век), привел к возникновению наций и, в результате, национальных государств.

Относительно понятия «национальное государство» (от франц. Etat-nation – государство-нация или англ. Nation-state – нация-государство), оно представляет собой фундаментальную теоретическую категорию, традиционно выражает исторически сложившееся, суверенное, централизованное государство. Стоит заметить, что под национальным государством чаще всего понимается политическая организация общества, сформировавшаяся в индустриальную эпоху, легитимность которой обеспечивается представлением и защитой интересов индиви-

дов, входящих в ее состав на основе идей и ценностей социокультурной, духовной, исторической, языковой, территориальной сплоченности и единого уровня экономического развития. Национальное государство, представляя собой исторический тип организации публичной власти, является переходным этапом в развитии государственности и предшествует появлению более универсальных, масштабных в пространственно-территориальном и демографическом плане социальных союзов (образований) с более высокой степенью внутренней однородности и интегрированности всех членов.

Следует заметить, что идея национального государства, основанного на этническом признаке, даже сегодня обладает значительной привлекательностью для ряда народов. Однако, в современных условиях реальной поликультурности и полисоставности существующих государств это вызывает различного рода кризисы, сепаратистские движения на этнической, религиозной или региональной основе. Во многих случаях это приводит к расколу существующих государств на новые национальные, как это произошло, например, после Первой мировой войны с Австро-Венгрией, распавшейся на Австрию, Венгрию и Чехословакию, а в конце XX века с Югославией и Чехословакией. Еще в большем

масштабе этот процесс протекал при распаде Советского Союза [1].

Однако, с другой стороны, конец XX века предоставил примеры обратных процессов: объединение ФРГ и ГДР в единое германское государство и единую нацию, к которой сейчас входит также целый ряд этнических меньшинств. Если все же обратиться к историческим истокам поликультурности европейских государств, то следует отметить, что для большинства государств данного региона до начала Нового времени их территориальные границы и состав населения в целом определились и стабилизировались. В период Нового времени уже активно происходил процесс становления соответствующих наций на основе существующих этносов. Причем данные этносы находились примерно на одинаковом уровне развития, относились к культуре единого типа (индустриальной) и исповедовали одну религию – христианство. Все это облегчало интеграцию различных этносов в составе государства в единую нацию.

В то же время далеко не всегда этот процесс проходил безболезненно, часто сопровождаясь насильственными мерами, которые применялись правительствами (введение государственного языка и запрет на использование в официальной сфере других языков, политика дискриминации в отношении этнических меньшинств и т.д.). В основном, данный процесс, пишет Л. Арутюнова, носил ассимилирующий характер по отношению к этническим меньшинствам со стороны «титальных этносов» [1]. В результате политики ассимиляции, например, в Германии, где она проводилась наиболее активно в начале XX века лишь 3% населения оказались не немцами [8].

В период Нового времени новыми территориями страны Западной Европы (Великобритания, Франция, Испания, Португалия, Голландия) обогащались за счет завоеванных неевропейских земель: в Америке, Африке, Азии, Австралии, которые становились колониями данных метрополий. И если в Европе в то время развивалась индустриальная культура, то для населения метрополий была характерна культура более низкого типа - аграрная. Это во многом определило, в частности, политику расовой дискриминации и сегрегации, что порой доходило до апартеида. Ко второй половине, а то и до конца XX века о какой интеграции, а там более ассимиляцию колонизированных народов речи не шло. Имела место только определенного рода политическая и экономическая интеграция, последняя оказывалась, прежде всего, в вывозе из колоний ценного сырья, использование местного населения в качестве дешевой рабочей силы, а также рынка сбыта промышленных товаров и т.д..

Таким образом, период Нового времени охарактеризовался двумя тенденциями: интеграция этносов метрополии в одну нацию (в основном путем ассимиляции), а также политика сегрегации по отношению к населению завоеванных колоний.

В первой половине XX века общий процент мигрантов в высокоразвитые страны Западной Европы можно оценить, в целом, как незначительный, а потому не вызывающий серьезных социальных катаклизмов. Существенно, что в данный период большинство эмигрантов стремилось к интеграции и достаточно успешно «вписывалось» в доминирующую культуру принимающей среды и даже ассимилировалось с местным населением. Одной из причин этого были существенные стимулы для эмиграции. Так, большинство эмигрантов в развитых западноевропейских государствах представляли собой выходцев из других европейских стран (в основном Восточной и Южной Европы). Таким образом, они были носителями культуры того же типа (индустриальной) и исповедовали ту же религию – христианство. Для многих эмигрантов западноевропейские страны становились новой родиной, игравшей значительную роль в их желании скорее интегрироваться и стать полноправным членом данного общества.

Однако во второй половине XX века отчетливо обозначились новые проблемы: резко уменьшился прирост коренного населения Европы (в некоторых странах он и сейчас есть практически нулевым) [12]. Это, в свою очередь, вызвало дефицит рабочей силы (особенно «дешевой»). Как результат - резко возросла эмиграция, особенно из бывших колоний, а также стран «третьего мира».

Общеизвестно, что в результате миграции населения экономический, политический, социокультурное пространство общества не просто меняется, а приобретает качественно новые характеристики, что неизбежно связано с различными противоречиями и конфликтами между принимающими и иммигрантскими сообществами. С целью «сглаживания» подобных противоречий, на вызов растущим миграционным процессам европейские страны в свое время ввели политику мультикультурализма. Не случайно, например, в Германии первыми пропагандистами мультикультурализма стали в первую очередь представители промышленного капитала, обеспокоены ситуацией на рынке труда - слабым поступлением новой рабочей силы, особенно, малоквалифицированной. С тех пор количество эмигрантов в страны Западной Европы из бывших колоний и других слаборазвитых государств является весьма значительным. Это являе-

ние получило название «колонизация наоборот». Так, в 1990-е годы в странах ЕС и Швейцарии количество мигрантов превысило 18 миллионов человек [12].

По разным оценкам на сегодняшний день в Западной Европе проживает примерно 15 – 20 миллионов мусульманских мигрантов. Их доля в структуре населения за последние полвека выросла с 1% до 5%. На фоне углубления демографического кризиса в западноевропейских странах, количество автохтонных европейцев к 2050 году сократится на 15% [1]. И, наоборот, при демографической активности иммигрантских меньшинств через полвека их количество может достичь трети или даже одной второй части населения европейских стран.

Структура иммигрантских меньшинств в европейских странах выглядит следующим образом. Наибольшее количество легально проживающих мигрантов из мусульманских стран находится во Франции, где их насчитывается около 6 миллионов, то есть 10% населения страны; в Германии – от 2,5 до 4 миллионов в Великобритании – 2 миллиона человек; в Нидерландах – 1,5 миллиона; в Швейцарии 720000, в Испании и Бельгии в 400000, в Австрии, Греции, Дании – до 200 000 человек [2].

Стоит заметить, что рост миграционных потоков наблюдается сейчас почти во всех странах Европейского Союза. Наряду с этим, сложная экономическая ситуация в Европе, пробелы в формировании законодательной защиты прав мигрантов и коренного населения усиливают тенденции негативного восприятия мигрантов. Кроме этого, европейцев настораживает закрытость этнических анклавов мигрантов из разных частей мира. Такие сообщества все чаще воспринимаются как «троянский конь» и выступают фактором страха для европейского населения. По этому поводу российский исследователь М. Рихтик утверждает, что рассматривать мультикультурализм следует в связи с проблемой адаптации мигрантов, акцентируя внимание на том, что миграция и проблема мультикультурализма взаимосвязаны. В свою очередь, современный мир формирует в массовом сознании преимущественно негативные стереотипы, связанные с понятием «мигрант» [6, с. 11].

Необходимо обобщить, что адаптация мигрантов к условиям принимающей среды во многом зависит от характера взаимного восприятия и атрибуции намерений по стороны коренного сообщества и иммигрантов. Если в представлениях населения принимающей среды и представителей иммигрантских общин социальные образы друг друга имеют безоценочный и эмоционально-нейтральный характер, то соци-

ально-политические взаимодействия между ними значительно упрощаются. И, наоборот, если во взаимных представлениях оказываются оценочные характеристики, а в обобщенных образах друг друга проявляются эмоционально насыщенные метафорические черты, то возможности бесконфликтного взаимодействия проблематизируются, считает Е. Клуце [11]. Данного рода оценочные характеристики, а также (отрицательно / нейтрально окрашенные) стереотипы могут возникать и распространяться благодаря различным каналам коммуникации. Однако, несомненными лидерами в данном случае выступали и до сих пор выступают именно средства массовой информации, обладающие широкими возможностями для системного и комплексного воздействия на человеческое сознание.

Соответственно, одним из факторов, который затрудняет взаимодействие между коренным населением и иммигрантскими группами на территории ЕС оказывается целенаправленное формирование средствами СМИ разного рода стереотипов, которые создают определенный образ мигранта, детерминируя, таким образом, восприятие данных представителей населением. Ведь под стереотипом принято понимать упрощенные, схематические представления об определенном объекте, с помощью которых осуществляется категоризация предметов и явлений и предоставляется запрограммированная их оценка, считает Н. Трошина [7, с. 69].

Таким образом, в настоящее время в западноевропейской политической мысли значительное внимание обращается учеными на проблемы, с которыми столкнулся нынешний мультикультурализм в его практическом измерении. Как отмечает исследовательница С. Зинько: «Этнокультурная гомогенность западноевропейских стран в начале XXI в. трансформировалась в гетерогенную поликультурную и поликонфессиональную матрицу. Задействованы от времени закладки Вестфальской системы монокультурные модели государств-наций были деактуализированы иммигрантским фактором с исламской культурологической составной, который превратился из конъюнктурного феномена в структурный элемент Европы» [4].

Наряду с этим, существуют и другие объяснения того, почему в 1990-х годах XX века проблема мультикультурализма перешла из теоретической плоскости в практическую. Так, с точки зрения канадского исследователя В. Кимлики, наиболее очевидная причина этого заключается в том, что «крах коммунизма поднял волну этнического национализма в Восточной Европе... Оптимистичные представления о том, что либе-

ральная демократия сама собой восстанет из пепла коммунизма, были разрушены этничностью и национализмом... Все эти факторы достигли пика в начале 1990-х годов и сделали очевидным то, что западные демократии не преодолели трений, вызываемых этнокультурным многообразием» [5].

Длительный период времени среди политиков и подавляющего большинства населения сохранялась иллюзия того, что их страна останется этнически однородной, а пребывание мигрантов - временное явление, ведь они прибыли сюда работать и со временем вернуться домой. В то же время, большая часть эмигрантов не собирается возвращаться домой, оседая в европейских странах на постоянное место жительства. Однако еще более важной особенностью этой волны мигрантов оказался отказ от ассимиляции - твердая установка на сохранение своих этнических, религиозных, национальных и т.д. особенностей. И поскольку процент таких мигрантов на всей территории Западной Европы достаточно высок, то с новой актуальностью возникла проблема существования в рамках одного государственного образования различных этнических групп и культур.

Стоит отметить, что во многих странах региона (в частности во Франции, Германии) и политики и исследователи продолжают отстаивать прежний идеал гражданского общества, опирающегося на идею гражданства, и тем самым, предполагая интеграцию любого нового гражданина в существующую социальную и политическую структуру - независимо от его происхождения или воспитания. В общественно-политических дискуссиях еще ощущается сильное противодействие самой постановке вопроса о Франции или Германии как культурно плюралистических стран, пишет Л. Арутюнова [1]. Одним из последствий данной позиции является сохранение существующего законодательства - без учета новых жизненных реалий, а это, в свою очередь, приводит к возникновению новых межэтнических конфликтов, усилению социальной напряженности в обществе.

Все эти факторы вызвали рост интереса к доктрине мультикультурализма. В западноевропейских государствах господствуют разные, иногда противоречивые точки зрения на роль и перспективы мультикультурализма. Немецкий ученый У. Бек, рассматривая перспективы развития мирового сообщества, рассматривает следующий вопрос: «Третьи культуры или глобальное гражданское общество?». Одним из ответов на этот вопрос и может стать идея создания пространства мультикультурализма, в частности для новых возможностей культурного обмена. При

этом даже конфликтные ситуации между представителями различных культурных групп, считает У. Бек, не ставят под угрозу «эксперимент по созданию мультикультурного общества» [5].

Эгалитарная модель мультикультурализма, считает Э. Гидденс, уже стала реальностью в Европейском Союзе, который, по его мнению, можно считать образцом новой космополитической нации. Для нее старые идентичности уже не имеют никакого значения. Как пишет исследователь, именно Германия служит удачным примером страны с мультикультурным обществом [3]. Несмотря на то, что на официальном уровне данная политика и явление отрицаются и подвергаются жесткой критике.

Эгалитарная концепция мультикультурализма рассматривает интеграцию инокультурных иммигрантских меньшинств не как унифицирующий процесс, а как сохранение культурного разнообразия в общей социальной атмосфере всеобщей терпимости. Критики данной концепции считают, что такая стратегия может быть беспроblemной лишь до тех пор, пока это касается каких-то периферийных сфер жизни, например, кулинарии. Когда же речь заходит о более важных сферах жизнедеятельности: о рабочих местах и заработной плате, о социальных выплатах и пенсиях, о правах и традициях, о религиозных убеждениях и практиках, то от мультикультурализма быстро отказываются. Именно здесь, по мнению критиков, приходит конец терпимости.

Как известно, мультикультурализм охватывает весь спектр социальных, этнокультурных, политических проблем, которые возникают в отношениях между государством, национальным большинством - с одной стороны, национальными коренными меньшинствами, этническими группами иммигрантов - с другой. К ним относятся, в частности, требования национальных меньшинств, к сохранению, развитию и публичному использованию национальных языков, предоставления им региональной автономии, политического представительства в органах власти, особых прав на этническую территорию, создание такой системы государственного образования, которая учитывала бы их национальные интересы. Для групп иммигрантов первоочередными являются требования равных гражданских прав с национальным большинством, недискриминации на рынке труда, в образовательных учреждениях, в сфере социального обеспечения и правовой защиты. В данном контексте важны как собственно инструментальные - социально-технологические средства снятия социального напряжения, так и меры, которые направляются на трансформацию политических и правовых

систем соответствующих национальных государств, их внутренней национальной политики.

Важно отметить, что дебаты по поводу интеграции иммигрантов в странах Западной Европы традиционно развивались вокруг трех основных моделей их включения: собственно мультикультурализма, ассимиляторской и дифференциального включения [8]. Стержнем собственно мультикультурной модели включения является уважение культурного разнообразия и его защита, а также государственная поддержка сохранения идентичности на своей территории каждой из общин иммигрантов. Странами, которые считаются классическими последователями этой модели, являются Нидерланды, Бельгия, Швейцария. В основе ассимиляторской модели включения иммигрантов находится принцип «равенства», однако действует он только для тех, кто подпадает под категорию «гражданин страны». Иными словами, иностранец должен полностью ассимилироваться в принимающем обществе, приняв общепризнанную идентичность и обязательно уважать и соблюдать его ценности. Классическим примером такой модели является Франция. Третья модель, сепарационная или дифференциального включения, характеризуется жестким и крайне ограничительным иммиграционным законодательством. Для получения разрешения на проживание в стране иммигранту необходимо удовлетворить ряд жестких требований. Кроме того, иммиграционная политика стран сепарационной модели направлена на то, чтобы проживание иммигранта имело временный характер. Такой политики включения иммигрантов придерживается Германия.

Функционирование трех вышеуказанных моделей базируется на двух ключевых моментах: первый - образ общества, которое необходимо построить, второй - тип отношений между политикой интеграции и иммиграционной политикой. В первом случае формируется государственная стратегия по интеграции иммигрантов, во втором - ее совместимость с иммиграционной политикой стран-соседей, членов Европейского Союза и Шенгенской зоны. Вследствие изменений государством приоритетов в экономической, политической сферах или резонансных событий происходит естественный процесс смешивания моделей включения иммигрантов и заимствования свойств одной модели другой.

Немаловажным аспектом в решении проблем интеграции поликультурных обществ в регионе стал перенос рычагов управления данными процессами с государственного на надгосударственный уровень. В конце XX - начале XXI века, в связи с активным развертыванием процессов европейской интеграции вопросы гармонизации

межэтнических отношений в Объединенной Европе вышли на общеевропейский уровень. Так, со времени переноса в 1999 году компетенций в сфере иммиграции в совместное управление стран-членов и Европейского Сообщества на принимающие страны усиливается давление со стороны надгосударственных институтов, в частности Еврокомиссии, за расширение влияния на интеграцию иммигрантов. Причиной этому является социо-экономическая природа организации и действующего в ней принципа свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала.

В данном случае связанность экономик 27 членов ЕС вызывает уязвимость всех от провала политики интеграции иммигрантов в одной из стран. Также существует напряженность из-за несогласованности инициатив (подразумевается Испания и Италия) по масштабной легализации иммигрантов без консультаций с другими странами-членами, ведь после прохождения процедуры легализации иммигрант получает возможность воспользоваться преимуществами свободного передвижения в Шенгенской зоне. С точки зрения Еврокомиссии такие односторонние действия вредят и без того нелегкому контролю над иммиграцией, поэтому меры по легализации иммигрантов должны находиться под совместным контролем. В конце концов, в контексте относительной свободы передвижения между странами существует возможность безопасного риска для ЕС из-за того, что маргинализированные иммигранты становятся легкой добычей криминальных структур, сразу превращаясь в угрозу и для стабильности в других странах-членах Шенгенской зоны. Опасения возросли в мае 2011 года, после того, как в результате «арабской весны» в Тунисе во Францию и Италию устремились значительные потоки беженцев. Тогда начались первые призывы к пересмотру положений о передвижении без паспортов внутри Шенгенской зоны по крайней мере для выходцев из стран Африки [14].

Второй толчок к углублению полномочий в области политики интеграции иммигрантов обусловлен стремлением надгосударственных органов ЕС самостоятельно заниматься вопросами предоставления убежища, а также иммиграционной политикой и интеграцией иммигрантов. С 2002 года через метод кооперации действует Рамочная Стратегия Европейского Союза по интеграции граждан третьих стран, а Еврокомиссия играет координирующую роль в обмене опытом между странами-членами. В выводах Европейской Совещания в Тампере 1999 года и позже в Гааге 2004 подчеркивается необходимость сотрудничества стран-членов на всех стадиях им-

миграции, начиная с ее движущих сил, политики предоставления разрешения на въезд в страну и заканчивая политикой интеграции и возвращением [10]. Позже в Амстердамском соглашении от 2007 года Совет Министров ЕС уполномочил государства-члены принять меры, которые будут определять условия въезда, проживания и стандартную процедуру выдачи долгосрочных виз и видов на жительство, включая разрешения на воссоединение семьи» [13].

Нельзя, в то же время, не отметить того факта, что за последнее десятилетие в процессе формирования общей иммиграционной политики Евросоюза европейские страны все-таки продвинулись в построении мультикультурного общества. Речь идет о либерализации иммиграционной политики и развития законодательной базы по интеграции иммигрантов. В ряде стран, например в Германии, Великобритании и Нидерландах были разработаны наиболее успешные программы по интеграции инокультурных и иноконфессиональных иммигрантов, основанные на применении мультикультурных социальных практик, развития в обществе мультикультурных компетенций и толерантности. Политики и законодатели подошли к интеграции иммигрантов как к центральной задаче иммиграционной политики. Содействие образованию и занятости иммигрантов проявляется на разных уровнях государства. То есть в результате совместных усилий были созданы важные предпосылки для

выработки во многом эффективной модели управления культурным многообразием в ЕС.

Итак, на сегодня Европейский Союз имеет больше полномочий в сферах, важных для интеграции полисоставных сообществ и иммигрантов, однако преимущество принятия решений все же находится в компетенции стран-членов. Согласно выводам совещания ЕС в Салониках основные полномочия в разработке и осуществлении политики интеграции находятся в их компетенции с учетом правовых, экономических, социальных и культурных особенностей, однако эта политика должна разрабатываться последовательно в рамках консультаций с другими членами ЕС [9].

Все это, а также опыт отдельных стран в решении очерченного круга проблем, дает основания обобщить, что разнообразие подходов к осмыслению мультикультурной реальности в различных национальных обществах и обеспечения мирного сосуществования групп людей с различной историей, культурой и идентичностью не могут быть достигнуты на основе общих, универсальных принципов взаимной толерантности. В каждом конкретном случае социальной стабилизации сложного этнокультурного и этносоциального пространства они должны иметь свою специфику, учитывать не только групповые, но и индивидуальные интересы. Как представляется, именно на этом основании должна строиться конкретная национальная политика, и так же оцениваться ее эффективность.

Литература

1. Арутюнова Л. Социокультурные аспекты проблем мультикультурализма // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2008. – № 2. – С. 126–129.
2. Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: Изд-во АСТ. – СПб. Terra Fantastica, 2003. – 448 с.
3. Гидденс Э. Навстречу глобальному миру // Отечественные записки, 2002. – № 6.
4. Зінько С. Проблеми інтеграції мусульманських спільнот у Європі: досвід для України / С. Зінько // Стратегічні пріоритети. – №4 (9). – 2008. – С. 229–240.
5. Ляпіна Л.А. Мультикультуралізм як соціальний феномен: теоретичний і практичний виміри / Л. Ляпіна // Наукові праці. Соціологія [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukpraci/sociology/2012/184-172-28.pdf>
6. Рыхтик М. Мультикультуралізм и проблема взаимопонимания: что нужно делать / М. Рыхтик // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: <http://www.mgimo.ru/files/server/books/rami4konvent/t4-rykhtik.pdf>
7. Трошина Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе масс-медиа / Трошина Н. // Этнокультурная специфика речевой деятельности : Сб. обзоров. – М., 2000.
8. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. London, 1996. – 270 p.
9. European Council. Thessaloniki European Council: Presidency Conclusions. – 2003. – June 19-20. – 39 p.
10. European Council “Tampere European Council: Presidency Conclusions”, October 15-16, 1999 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/00200-r1.en9.htm
11. Klute E., Valdetara M. Migration and Integration – Europe’s big challenge. What role do the media play? – Essen, Germany, 2006: Utrecht, Mira Media, The Netherlands. – 28 p.
12. Parekh B. Europe, Liberalism and the ‘Muslim Question’, in Multiculturalism, Muslims and Citizenship / B. Parekh. – A European Approach. – London : Routledge, 2006. – P. 179–204.
13. Tjernberg M. The Economy of Undocumented Migration: Taxation and Access to Welfare /

M.Tjernberg // European Journal of Migration and Law. – 2010. – №12. – P. 149–171.

14. Schlamp H.-J. Italy Seeks to Pass Problem on to EU Partners / H. J.Schlamp, August 4, 2011 [Электрон-

ний ресурс]. – Режим доступа: www.spiegel.de/international/europe/mass-immigration-from-tunisia-italy-seeks-to-pass-problem-on-to-eu-partners-a-755858.html

Gordienko A.V.

Historical Preconditions of Multiculturalism Forming in Western European States

Abstract: The article deals with historical background of multicultural policy forming in the Western European political space. The main tendencies, problems and prospects of this policy are illustrated in the article. The author puts main emphasis on historical conditionality of multiculturalism in the current region.

Keywords: multiculturalism, Western Europe, nation state, migration, integration.